

А. ОЛАР

Максимилиан РОБЕСПЬЕР

Глава из книги «Ораторы революции»

Т.1. Учредительное собрание. М., 1907. С.234-355

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Биография Робеспьера, как и Мирабо, достаточно известна, и мы можем предположить, что читателю знакомы происхождение, политические убеждения и физиономия знаменитого оратора.¹⁾ Мы, впрочем, не можем дать здесь полной оценки его красноречия, которое слишком забыли и о котором слишком легко судили. Место Робеспьера - в Якобинском клубе и в Конвенте, и там, в его естественной среде, в час его полного расцвета, надо будет изучать и комментировать его красноречие. Здесь же мы отметим только общий характер его таланта и обстоятельства, при которых он дебютировал на ораторском поприще.

Какого бы ни были мнения о красноречии и политике Робеспьера, приходится признать, раньше всего, что по характеру своему он не был симпатичен своим современникам. Он имел сеидов, но у него не было ни одного друга, как то правильно замечает Луи Блан.²⁾ Ему, говорят, недоставало добросердечия, он не допускал никакой близости, и когда, победитель или побежденный, он опускался с трибуны, то к нему не протягивалась ни одна дружеская рука; его окружала ледяная атмосфера, которая всех отталкивала от него.³⁾ Если красноречие его влияло на умы и не оставляло равнодушными сердца, то великодушные чувства, порождаемые его речами, никогда не переносились на его личность. Иное отношение к нему замечалось разве лишь в Якобинском клубе. Этот друг человечества как будто питал против людей мрачную и таинственную злобу. Возникал вопрос, остающийся еще и теперь неразрешенным, - откуда у него взялась эта скрытая за самыми благородными и самыми доверчивыми словами мизантропия? Это наиболее поражающая черта его красноречия, и нам нужно раньше всего разъяснить этот пункт.

Была ли то нужда, которая, как утверждал Мишле, озлобляла его? Но он, как все депутаты, получал восемнадцать ливров в день. Такое жалованье, скромное для нашего времени, было значительным в 1789 г. и являлось богатством для человека умеренных вкусов. Да, Робеспьер был богатым в сравнении с Бриссо, Камиллом Демуленом, Лусталло и др., которые, при всем своем литературном успехе, не зарабатывали, быть может, и половины жалованья депутата. Легенда о фраке, одолженном arrasским адвокатом для того, чтобы присутствовать на каких-то официальных похоронах, не основана, насколько нам известно, ни на одном серьезном показании. Робеспьер, как и многие другие депутаты, не имел капиталов, но его профессия (это тогда было редкостью) вполне обеспечивала ему существование.

Распространялись о том, что он осиротел в юные годы и Преждевременно познал жизненные заботы; отсюда, говорили, этот суровый вид и это мрачное лицо. Совершенно верно, что он в возрасте семи лет потерял свою мать, а через два года - своего отца. Но его и его брата приняли и воспитали бабушка и дедушка. Он, следовательно, не был лишен семейных забот. Его отдали в arrasский коллеж, и там он совершенно не был тем молчаливым школьником, каким желали представить будущего героя Тррора: его биографы рисуют нам его хорошим учеником, беззаботным и веселым, как другие дети, охотно играющим, воспитывающим птиц, отдающимся развлечениям его возраста. Arrasский епископ выхлопотал скоро для этого примерного ученика одну из стипендий в лицее Людовика Великого. Здесь то в некоторых биографиях легенда о сиротке омрачается. Бедный стипендиат, осмеиваемый, эксплуатируемый, преследуемый, - как мог он не стать мизантропом? Но забывают, что в больших государственных коллежах к стипендиатам никогда не относились хуже, чем к их товарищам. Камилл Демулен был одновременно с ним стипендиатом в том же коллеже, а он оставался оптимистом и жизнерадостным до самого эшафота. Правда, Робеспьер потерял тогда своего обожаемого корреспондента, аббата де Лароша,⁴⁾ и свою сестру Анриетту. Но эти утраты опечалили его, не изменив его характера: горе прошло, и он остался ребенком, как его сверстники. Тогда же в нем начали формироваться его убеждения, что должно было доставить ему чувство счастья. «Один из его учителей риторики, - говорит Hamel, - добрый и ученый Эриво, особенно ценивший и любивший его, немало способствовал развитию в нем республиканских идей. Проникнутый восхищением к красноречию Афин и энтузиазмом к великим делам Рима, поклонник строгих нравов Спарты, честный Эриво стал проповедником идеального правительства, и, объясняя своим юным слушателям лучшие места древних авторов, он старался вселить в них горячие убеждения последних. Робеспьер, сочинения которого были всегда проникнуты стоической моралью и энтузиазмом к свободе, получил от него прозвище *Римлянина*».⁵⁾ Учителя, следовательно, любили и уважали его. Когда Людовик XVI посетил коллеж, то обратиться к нему с приветствием было поручено Робеспьеру, и директор снисходительно исправил речь Римлянина, в которой к обязательным похвалам примешивались политические ремонтрансы. Надо совершенно не быть знакомым с жизнью республики в миниатюре, каковой является коллеж, чтобы вообразить, что хороший ученик, как Робеспьер, что герой школьных конкурсов мог в какой бы то ни было степени играть в ней роль бедного Макара.

Изведал ли он по окончании учения слишком ранние страдания, которые способны были омрачить его душу? Добившись того, чтобы стипендия его была передана его брату, Огюстену, он поступил на юридический факультет, все еще протезируемый коллежем Людовика Великого, который дал ему денежную награду и похвальный аттестат. Двадцати лет от роду он в 1778 г. имел свидание с [Жан-Жаком Руссо](#), которое, быть может, указало ему его призвание и решило его судьбу. Получив звание адвоката, он возвращается в Аррас, выступает в роли защитника, становится известным, получает место судьи гражданского и уголовного трибунала аррасского епископа, но отказывается от него, чтобы не быть вынужденным осуждать на смертную казнь, и познает всю прелесть популярности. В 1789 г., при известии о созвании Генеральных Штатов, он составляет очень смелый адрес о необходимости реформировать штаты провинции Артуа, и, выдвинувшись благодаря этому, он в тридцать один год становится депутатом третьего сословия г. Арраса.

Это ли можно назвать несчастной юностью, неудавшейся карьерой? Допустим, что арраский адвокат Робеспьер был уже тогда человеком суровым; был ли он, как то утверждали, печальным или желчным? Член веселой академии Rosati,⁶⁾ он в компании беззаботной молодежи сочинял любовные стихи, бывал весел, фриволен, когда то требовалось, никогда не выказывая ничего, что напоминало бы человека с исключительным характером, какого-то Тимона. Не уединение и не преследования судьбы или людей готовили оратора Конвента к его трагической роли; он провел свое детство и свою молодость как наиболее счастливые из его современников. До революции он, если правильно рассудить, был одним из удачливых в рядах третьего сословия.

Не в его прошлой жизни надо, следовательно, искать объяснения той горечи и мрачной злобы, которые, казалось, разъедали его; в Генеральные Штаты он прибыл без всякого чувства личной досады против общества или людей. Но его, быть может, оскорбили насмешливые улыбки, с которыми, как говорят, встретили его первое появление на трибуне, и это тем более, что смеялись не столько над его политическими мнениями, сколько над его личностью. Его сюртук оливкового цвета, его неповоротливость, провинциальная неуклюжесть показались в первое время смешными, а устарелый, тщательно обработанный слог речей, которые он читал на трибуне, привели слушателей в веселое настроение. Депутаты дворянства его провинции, Бомец и др., повели против него мелкую войну, выражавшуюся в постоянных насмешках, улыбках, иронических восклицаниях, больно задевавших его самолюбие. Робеспьер, политический деятель, отнесся бы, быть может, с презрением к этим сарказмам, но они глубоко оскорбляли в нем его достоинство литератора.⁷⁾

Суть в том, что, кроме аббата Мори, никто в Учредительном Собрании не дорожил в большей степени своим литературным реноме. Провинциальный академик, Робеспьер был приучен к тому, чтобы его талант писателя и оратора вызывал аплодисменты, и к своим ученическим наградам он, согласно моде того времени, прибавил еще лавры, которых он удостоился на различных литературных конкурсах. 1783 год был в этом отношении памятным в его жизни: в этом году академия г. Арраса приняла его в свои члены, а академия г. Метца увенчала его за сочинение об ответственности родителей за преступления детей, в котором имеются уже некоторые из формул, неоднократно повторенных им в Конвенте. В 1785 г. академия г. Амьена присуждает ему лишь вторую премию за сочинение о поэте Грессе. Этот полууспех побудил его берегать свои произведения для аррасской академии. Он стал постоянным и любимым оратором последней, а скоро был избран и председателем ее. На этой мирной трибуне он развил свои способности к торжественному красноречию, произносил длинные речи всегда на темы о естественном праве и морали и излагая свои мысли легким несколько вялым, несколько цветистым слогом. Являясь слабым отражением Руссо, речи эти составлены правильно, хорошо, на классический, почти школьный манер. Здесь он усвоил привычку обобщать, диссертировать, не считаясь с данным временем, и превозносить вечные принципы. Хорошо писать и хорошо говорить - вот его постоянная забота. В его переписке чувствуется та же усердная работа, что в его академических сочинениях, и шутит он как то старательно, педантично. Благодаря одну барышню, приславшую ему чижей, он пишет с напряжением: «Они очень красивые; мы ожидали, что, будучи воспитаны Вами, они окажутся более спокойными и более ручными, чем все чижи. Каково же было наше удивление, когда при приближении нашем к клетке, они с такой стремительностью стали цепляться за прутья, что можно было опасаться за их жизнь! И они то же самое проделывают каждый раз, когда замечают кормящую их руку. По какой же системе Вы их воспитывали и откуда у них этот дикий характер?.. Не должно ли было лицо, подобное Вашему, легко приучить их к людским лицам? Или же, зная ваше лицо, они не могут переносить других?»⁸⁾ Он даже свои обыденные письма пишет как будто для литературных конкурсов.

Понятно теперь, как велико должно было быть его разочарование, когда прекрасный стиль его, столь оцененный в провинции, доставил ему в Генеральных Штатах успех шута. Газеты действовали заодно с депутатами, и когда убедились в его чрезмерной обидчивости и болезненном самолюбии, то он стал мишенью, в которую все целились. Его имя коверкали⁹⁾ или же, чтобы еще больше уязвить его, его совсем не называли, глухо говоря о нем: *один член* или *один депутат общин*, и его лишали даже утешительной возможности познакомиться со своей прозой избирателей своих. Обыкновенно его речи резюмировали в нескольких строках, а иногда и совсем не упоминали о них, и когда, выступив на трибуне, он на следующий день искал своей речи в газете [Барера](#) или Le Hedeу, то он находил все речи, кроме своей. Литературное злопамятство живуче; его же было неумолимым и вечным. Он больше не смеялся, лицо его приняло неизменно мрачное выражение; его не приняли всерьез, - так он постарается упрочиться трагизмом. Ужасом, который он внушал, он добьется в Париже тех аплодисментов, которыми его награждали в Аррасе. Над ним безжалостно издевались, но наступит момент, когда не посмеют не аплодировать ему...

Вот, по нашему мнению, объяснение той жестокой горечи, которую проявил Робеспьер. Унижения, которым он подвергался как литератор, печально отразились на нем, как на ораторе и политическом деятеле. Ему недоставало того добродушия, которое придавало очарование Мирабо, Казалесу, Дантону. Встреченный свистками, он остался недоверчивым и подозрительным даже в моменты своих наибольших ораторских успехов.

Но весь ли это Робеспьер? Были ли его политика и его красноречие лишь реваншем глубоко оскорбленного литературного самолюбия? Этот замечательный человек имел, конечно, иные виды, иные стремления. Та черта, которую мы объяснили, была лишь показной стороной его характера. На ней надо было, однако, остановиться, так как оратор является обыкновенно лишь тем, чем он кажется, так как даже произвольное выражение рта, какой-нибудь *tic* его лица играют роль в его красноречии, так как на трибуне внутренний человек неизвестен и о нем судят лишь по тому, что является внешним.

Был ли он действительно смешным при своих дебютах? Газеты дают о нем в ту пору мало подробностей, а авторы мемуаров, в большинстве случаев писавшие их после того, как они пережили внушенный им ужас, мстительно пристрастны и искажают свои первые впечатления. Вопреки своей воле, они представляют его каким-то чудовищем с плутовским лицом. «Я два раза беседовал с Робеспьером, - пишет Этьен Дюмон; - он имел зловеющий вид, не глядел прямо да постоянно и как-то неприятно мигал глазами». ¹⁰⁾ Мы напрасно стали бы искать у современников правильного и верного воспоминания о начинавшем свою политическую карьеру Робеспьере. Несомненно лишь то, что ему пришлось завоевать себе место и что оратором он стал среди самых обескураживающих трудностей. Это было для него прекрасной школой: он освободился в ней от приемов и стиля аррасского академика; вынужденный следить за собой и исправлять себя, он стал в конце концов находить точное, действующее на слушателей выражение. Насмешки его врагов не позволяли ему слишком легко довольствоваться собой. Он, по собственному его признанию, «бывший робким, как ребенок, трепетавший всегда при приближении к трибуне и перестававший чувствовать себя, когда он начинал говорить», ¹¹⁾ он скоро набрался храбрости, выработал себе собственную манеру, которой он совершенно овладел в последние месяцы Учредительного Собрания. Его коллеги были под влиянием Монтескье, его же вдохновителем, как в содержании, так и в форме, был Руссо. Он на трибуне Учредительного Собрания говорит уже языком Конвента и выражает в 1790 г. идеи 1793 г.

Кто не знаком с его политикой? В Учредительном Собрании он отказался от всякого влияния в настоящем или ближайшем времени. Он был «человеком принципов», человеком будущего. Он был почти единственным, который понял, что революция только начиналась, что она использует свои первые орудия и бросит их. И его заботой было сохранить себя нетронутым и сильным для ужасной борьбы, к которой только приступали. Он с самого начала порывает с конституционалистами и триумвирами. «Роль его, - говорит очень справедливо Мишле, - была с тех пор простая и сильная. Он стал крупной помехой для тех, кого он покинул. Деловые и партийные люди, они, при каждой попытке делать компромисс между принципами и интересами, между правом и обстоятельствами, встречали преграду, которую им ставил Робеспьер, именно - абстрактное, абсолютное право; против их уклончивых англо-французских, мнимоконституционных решений он выдвигал не специально французские, но общие, универсальные, вытекающие из «Общественного договора» теории, законодательный идеал Руссо и Мабли.

Они вели интриги, волновались, а он был непреложен. Они во все вмешивались, входили в тайные сношения, договаривались, всячески компрометировали себя, а он только проповедовал. Они казались ходатаями, а он - профессором, священником права. В конце концов он должен был победить их.

Верный защитник принципов, во имя которых он постоянно протестовал, он редко объяснялся насчет их применения, всегда избегая стать на каменистую почву путей и средств. Он говорил что нужно делать, но редко, очень редко - как это можно сделать.» ²⁾

II

Когда, действительно, от речей Мирабо и Барнава переходят к речам Робеспьера, то переносятся в совершенно иной мир, мир идеальный, где трудности и противоречия реальной жизни не встречают отклика. Не Робеспьер бы стал смеяться, как оба упомянутых оратора, над теорией и метафизикой. Он знает и превозносит только одну вещь: чистое право. Он первый до 89 г. часто употребляет в своих сочинениях слова *равенство*, *свобода* и особенно *братство*. Он не допускает ни на один момент, что можно вступать в сделки с моралью: следовать последней, - к этому для него сводится вся политика. «Как общественный интерес, - говорит он по поводу избирательного права евреев, - может быть основан на нарушении вечных принципов справедливости и разума, являющихся фундаментом всякого общества?» ¹³⁾ Он выступает Альцестом Ассамблеи, раздраженным сарказмами политических Филинтово, ¹⁴⁾ но все же пренебрегающим ими и продолжающим свой путь, не стесняясь открыто восставать против компромиссов и послаблений. Его риторика - проповедь честности, несмотря на все и вопреки всему, и если он это делает с педантизмом, то можно ли поэтому заподозрить его искренность? Да, большинство смеялось над ним; но Мирабо не ошибался на его счет и говорил: «Он пойдет далеко, потому, что он верит всему, что говорит». Послушайте, каким поистине возмущенным тоном он в июне 1789 г. обратился к депутации, посланной духовенством к общинам, чтобы просить их заняться обсуждением вопроса о недостатке хлеба и освятить, таким образом, разделение на сословия:

«Идите и скажите своим коллегам, что если они так горят нетерпением облегчить народ, то пусть они придут в эту залу и примкнут к друзьям народа; скажите им, чтобы они долгие не задерживали нарочно нашей деятельности; скажите им, чтобы они перестали действовать мелкими средствами, надеясь заставить нас отказаться от принятых нами решений; служители религии, достойные подражатели своего учителя, откажитесь вы от окружающей вас роскоши, от оскорбляющего нужду блеска; вернитесь к скромной жизни первых пастырей церкви; прогоните спесивых лакеев, стерегущих вас; продайте ваши великолепные кареты и, вместо того, чтобы позволять себе подлые излишества, дайте хлеб бедным».¹⁵⁾

Но он еще вызывает насмешки, и только 21 октября он, наконец, может заставить выслушать себя по поводу «военного закона».¹⁶⁾

Скоро те, которые высмеивали его, умолкнут: 16 января 1790 г. его уже не прерывают, когда он произносит речь в защиту тулонского народа, незаконно заключившего в тюрьму враждебных революции чиновников.¹⁷⁾

С этого времени он уже вполне владеет своим ораторским методом и усваивает особый жанр аргументации, которым он будет пользоваться во все время существования Учредительного Собрания. Какую бы реформу ни предложили его коллеги слева, он выступает против нее, как слишком умеренной и слишком мало благоприятной народу. Каковы бы ни были крайности и насилия толпы, он извиняет их и представляет их маловажными пятнами на прекрасной картине. Можно ли говорить о насилиях народа? Последний проявляет скорее непостижимую терпимость; после стольких веков рабства и пыток он в дни своих побед ограничивается тем, что сжигает несколько замков и вешает нескольких аристократов. Есть ли здесь чем возмущаться? «Пусть же, - говорит он 22 февраля 1790 г., - не клеветают на народ! Я призываю в свидетели всю Францию; я предоставляю врагам ее преувеличивать факты и вопить о том, что революция ознаменовала себя варварскими деяниями; я же утверждаю, - и все истинные граждане, все друзья разума согласятся со мной, - что никакая революция не стоила так мало крови, не причинила так мало жестокостей. Вы были свидетелями того, как многочисленный народ, став господином своей судьбы, вернулся к порядку при полной растерянности властей, тех самых властей, которые в течение стольких веков угнетали его. Лишь неизменной кротостью своей, своей умеренностью он расстроил маневры своих врагов; и его еще обвиняют перед его представителями?»¹⁸⁾ Такова тема, которую Робеспьер не перестает развивать на трибуне, выставляя себя человеком, поднимающимся выше отдельных несчастий и преступлений, судящим о революции в ее целом, между тем как современники его видели лишь ее детали. Это спокойствие удивляет и скандализует членов Учредительного Собрания, но оно уже начинает нравиться трибунам и улице. В Якобинском клубе Робеспьер делает быстрые успехи. Аккуратно посещая заседания и очень часто выступая на трибуне, он выдвигается в этом знаменитом обществе на первый план, приобретает любовь, награждает себя там за первые свои неудачи в Ассамблее. Скоро он речи свои, предназначенные для Учредительного Собрания, станет произносить предварительно перед якобинцами, и в 1791 г. последние уже оболщены, покорены им и находятся под его обаянием, почти под игом его. Он торжествует: как в аррасской академии, ему постоянно и единодушно аплодируют, причем таким успехом он пользуется не только как политический деятель, но в не меньшей степени и как литератор.

С того дня, когда он заставил замолкнуть тех, которые над ним смеялись, он не переставал говорить в Ассамблее. Он высказывал свое мнение относительно всех стоявших на очереди вопросов. Отмена смертной казни, свобода печати, расширение рамок национальной гвардии,¹⁹⁾ установление суда присяжных и для гражданских дел,²⁰⁾ право артистов и евреев быть избранными, политическое равенство (против ценза),²¹⁾ постоянство областей, право войны и мира, кассационный трибунал, гражданская организация духовенства, присоединение Авиньона, дело о военных беспорядках в Нанси, сопротивление парламентам, право делать завещания, право петиций, политические права негров, переизбрание членов Учредительного Собрания, реорганизация армии, неприкосновенность короля, учреждение национальных конвенций, пересмотр конституции, - он подолгу говорит о всех этих вопросах, и его нельзя упрекнуть, как аббата Мори, в пустословии, так как его цель не столько разобрать их по существу, сколько установить их связь с принципами морали. Он отличается умением раскрывать теоретическую сторону вопросов и возвышать дебаты.

Он любит также, как мы уже сказали, выступать защитником народа, оправдывать его ошибки, уличать его хулителей.

Он выказывает все свои достоинства и все свои недостатки в речах о беспорядках в разных провинциях, о допущении простых солдат в состав военных судов, о признании за неимущими права быть избирателями и избираемыми. Он желает быть в Учредительном Собрании заступником бедных и униженных. Что удивительного, если популярность его становится громадной и если его всемогущество в Якобинском клубе доставляет ему авторитет даже в Учредительном Собрании?

Его авторитет становится даже настолько значительным, что он побуждает Ассамблею осудить себя на смерть. Декрет о непереизбрании членов Учредительного Собрания был принят по его предложению, и вот в каких выражениях он защищал его (16 мая 1791 г.). Мы приведем здесь некоторые отрывки из его речи, и читатель убедится, что смешной Робеспьер первых дней, если только таковой существовал, стал опытным оратором. Талант его тем более выделяется, что тема его в данном случае неблагоприятная:

«Прежде, чем убедиться в полезности внесенного мною предложения, я был поражен некоторыми великими примерами. Все законодатели, о которых люди сохранили память, сочли своим долгом вернуться в ряды граждан и даже уклониться от благодарности. Они думали, что уважение к новым законам связано с уважением, внушаемым личностью законодателя. Те, которые определяют судьбы нации, должны изолировать себя от своего собственного творения...

Нам предстоит теперь принять решения об организации законодательного учреждения и о порядке выборов, т.е. о том, что составляет одну из главных основ свободы и общественного блага. Поступим же так, чтобы эти великие вопросы были чужды нашим личным интересам. Отрешимся от всех страстей, которые могли бы затуманить разум; этот принцип я вообще признаю хорошим, но я на момент приложу его лично к себе. Допустим, что я не отношусь безразлично к чести быть членом законодательного учреждения, и я тут же откровенно прибавляю, что ничто не кажется мне более достойным честолюбия свободного человека. Допустим дальше, что шансы достигнуть этой чести находятся в зависимости от того, как будут решены подлежащие нашему обсуждению вопросы: буду ли я совершенно беспристрастен и бескорыстен при их решении? И так как для всех людей есть лишь одна совесть, одна мораль, то я полагаю, что Ассамблея согласится с моим мнением (*аплодисменты*).

Какой громадный авторитет придаст вашей конституции то, что вы пожертвуете самыми великими почестями, которых граждане могут домогаться! Насколько клевета будет обессилена, если она не сможет ни одного из вас упрекнуть в том, что... вы пожелали распространить свою власть и на последующие законодательные собрания, если она увидит, что из религиозного уважения к великим решениям, которые вам предстоит принять, вы пожертвовали всякими личными интересами!

Если мне возражат, что от этого может пострадать общественный интерес, то мне не трудно будет ответить на это. Отчаиваетесь ли вы в том, что нас заместят люди, столь же достойные общественного доверия? (*подымается ропот*). Я разделяю почтенное чувство этой Ассамблеи, и так как оно лежит в основе моей мысли, то я полагаю, что выражу и вашу мысль, говоря, что наша деятельность и наш успех не дают нам права думать, что нация, состоящая из 25 миллионов свободных граждан, не найдет в своей среде 720 защитников, достойных получить и охранять священный клад ее прав. Если в то время, когда не существовало еще общественного мнения, когда Франция далеко не предвидела своих судеб, нация могла сделать выбор, достойный этой революции, то почему она не сделает еще лучшего, когда общественное мнение просвещено и усилено опытом двух лет, столь богатых великими уроками? (*аплодисменты*).

Сторонники переизбрания говорят еще, что известное число и даже - что известные члены Ассамблеи необходимы, чтобы просвещать будущее Законодательное Собрание своим опытом и более глубоким знанием законов, являющихся их творением. Я полагаю раньше всего, что те, которые, не принадлежа к этой Ассамблее, читали о нашей деятельности, следили за ней, которые признали и защищали наши декреты, которые были уполномочены общественным доверием привести их в исполнение, тоже знают законы и конституцию (*аплодисменты*). Я считаю, что знать их не более трудно, чем то было делать их (*аплодисменты возобновляются*). Я мог бы даже прибавить, что не в громадном водовороте дел и событий легче было определить общий характер и связать в своем уме детали всей нашей деятельности. Я думаю, впрочем, что принципы конституции запечатлены в сердцах всех людей и в умах большинства граждан, что она вышла не из головы того или другого оратора, а была создана общественным мнением, предшествовавшим нам и поддерживавшим нас; ее сохранение и ее усовершенствование надо поэтому доверить воле нации, а не влиянию некоторых из тех, которые в данный момент представляют ее...»

Указав еще на то, что тяжелая и непрерывная деятельность Учредительного Собрания должна была утомить многих членов и что сама природа обязывает их к отдыху, Робеспьер предложил Ассамблее, чтобы она, не предвещая вопроса о переизбрании в его целом, запретила переизбрание членов Национального Собрания в следующее законодательное учреждение. Это как будто противоречит принципу свободы и равенства граждан; «но, - отвечает Робеспьер, - разве сама любовь к свободе не обязывает принять обусловливаемые природой вещей разумные и необходимые меры для защиты свободы от происков и злоупотреблений народных представителей?» По окончании его речи раздались долго не смолкавшие аплодисменты, и значительное большинство депутатов потребовало немедленного голосования.²²⁾

31 мая 1791 г.,²³⁾ после чтения коварного письма аббата Рейналя, от имени Ассамблеи ответил не Барнав, не Туре, не Ле Шапелье и никто из главарей левой, а Робеспьер. И сделал он это с замечательным тактом и достоинством: «Я не знаю, - сказал он, - какое впечатление произвело на вас только что прочтенное письмо. Что касается меня, то никогда еще Ассамблея не казалась мне стоящей настолько выше своих врагов, как в момент, когда она со столь выразительным спокойствием слушала самое резкое порицание ее поведения и совершенной ею революции (*на левой стороне и на трибунах раздаются долгие аплодисменты*). Не знаю, но мне письмо это кажется поучительным в совершенно ином смысле, чем тот, в каком оно было составлено. Действительно, когда его читали, меня поразила одна мысль. Этот знаменитый человек, который рядом с мнениями, вызывавшими упреки в крайнем преувеличении, высказал, однако, истины, полезные для свободы, этот человек, с тех пор, как началась революция, ничего не сказал своим согражданам, чтобы просветить их; и в какой момент прерывает он молчание? В момент, когда враги революции употребляют все усилия, чтобы остановить ее (*аплодисменты возобновляются*). Я далек от мысли направить гнев не то, что Ассамблеи, но даже общественного мнения против человека, сохраняющего великое имя. Я нахожу для него достаточное извинение в указанном им самим обстоятельстве, именно - в его преклонном возрасте (*аплодисменты*).

Я прощаю даже, если не тем, которые могли быть сообщниками его попытки, то, по крайней мере тем, которые готовы восхищаться ею, потому что я убежден, что она в публике вызовет эффект, совершенно противоположный ожидаемому. Эта конституция, будут рассуждать граждане, должна быть очень благоприятна народу и очень губительна для деспотизма, если, чтобы обесславить ее, употребляют столь исключительные средства, если, чтобы успеть в этом, пользуются человеком, который до сего момента был известен в Европе лишь своей горячей любовью к свободе и которого прежние хулители его объявляют теперь своим апостолом и своим героем (*новые аплодисменты*),.. если понадобилось его имя, чтобы высказать мнения, наиболее противоречащие его собственным и совпадающие с теми глупостями, которые неизменно повторяют самые отъявленные враги революции... И эти бессмысленные упреки направляют не только против того, что Национальное Собрание сделало для свободы, но и против самой свободы, ибо указывать миру, как на преступления французов, на беспорядки и распри, являющиеся столь естественным кризисом свободы, что без него деспотизм и рабство были бы несокрушимы, значит выступать против свободы.

Мы не поддадимся чувству тревоги, которое хотят нам внушить. В настоящий момент, когда своим исключительным поведением враги Ассамблеи и революции ясно возвещают вам о своих намерениях и о своей ярости, в этот момент я нисколько не опасаясь повторить от вашего имени клятву неизменно следовать священным принципам, положенным в основу вашей конституции, и никогда не уклоняться от них каким-либо косвенным путем, незаметно ведущим к деспотизму. В противном случае мы нашим преемникам и нации оставим в наследство лишь беспорядки и анархию. Я не желаю дольше останавливаться на письме аббата Рейналя; Ассамблея проявила свое достоинство, выслушав его. Я требую перехода к очередным делам. (*Робеспьер спускается с трибуны при аплодисментах левой и всех трибун.*)²⁴

Эта прекрасная речь помешала интригам монархистов, и сам Малуэ признает в своих Мемуарах, что Робеспьер был в тот день красноречив. Отметим еще, что Робеспьер, привыкший писать свои речи, на этот раз импровизировал. Его талант не менее вырос, чем его политический авторитет.

После бегства короля авторитет его еще более увеличился. Все взоры обращались к тому, кто не переставал порицать лицемерные сделки и кто никогда не верил в искренность Людовика XVI. Вечером 21 июня он произнес в Якобинском клубе длинную речь, которая, к сожалению, не была целиком воспроизведена и от которой сохранились лишь следующие фразы: «Говоря вам с этой откровенностью, я, быть может, рискую навлечь на себя ненависть всех партий. Они ясно почувствуют, что никогда не смогут осуществить своих планов, пока среди них останется один справедливый и смелый человек, который будет постоянно расстраивать их проекты и который, презирая жизнь, не боится ни меча, ни яда и был бы счастлив, если бы его смерть могла быть полезна свободе и отечеству». При этих словах, говорится в протоколе заседания,²⁵ «всем собранием овладел священный энтузиазм добродетели, и каждый член поклялся именем свободы защищать Робеспьера, рискуя для этого даже жизнью».>

Камилл Демулен приводит в своей газете²⁶ следующие детали об этой сцене: «...Когда этот прекрасный гражданин высказал в своей речи уверенность, что он поплатится своей головой за изложенные им истины, то я воскликнул: *Мы все умрем раньше тебя*. И впечатление, которое его естественное и сильное красноречие производило на собрание, было таково, что больше восьмисот человек встали одновременно со своих мест и, охваченные, как и я, невольным порывом, поклялись сплотиться вокруг Робеспьера...»

Госпожа Ролан, присутствовавшая на заседании, говорит, что сцена была «поистине поразительная и патетическая».

Робеспьер лишь позднее высказался за республику; он следовал за общественным мнением и почти поддерживал колебания последнего, как и самих якобинцев, которым он 13 июля 1791 г. говорил: «Меня обвиняли в том, что я - республиканец; мне оказали слишком много чести: я не республиканец. Если бы меня обвиняли в том, что я монархист, то меня бы опозорили: я и не монархист».

На следующий день, 14 июля, он произнес красноречивую речь против неприкосновенности короля, одну из наиболее сильных речей, какие пришлось услышать членам Учредительного Собрания. Мы приведем ее здесь почти полностью.

Начав свою речь с заявления, что он не станет разбирать, при каких условиях совершилось бегство короля, кто ему способствовал в этом, сам ли он того желал, или действовал по наущению других и т.д., и что он будет говорить о нем, как если бы дело шло о китайском императоре, Робеспьер перешел к оценке принципа неприкосновенности, на который, главным образом, ссылались защитники короля.

«...Преступление, по закону не подлежащее наказанию, является возмутительным уродством в общественном строе, или, скорее, является полным отрицанием общественного строя. Если преступление совершено перлым государственным чиновником, высшим должностным лицом, то я вижу в этом лишь большие могилы для преследования, так как виновный имел более святую обязанность по отношению к отечеству и так как не наказывать его правонарушения является более опасным».

Король, говорите вы, неприкосновенен; он не может быть наказан - таков закон... Вы сами на себя клеветаете! Нет, вы бы никогда не издали декрета, по которому один человек стоял бы выше закона и мог бы безнаказанно покушаться на свободу, на существование нации... Нет, вы не сделали этого, и если бы вы осмелились издать подобный закон, то французский народ не поверил бы этому, и всеобщий крик негодования напомнил бы вам, что суверен вступает в свои права!

Вы декретировали неприкосновенность; но, господа, были ли у вас когда-либо какие-нибудь сомнения относительно намерений, какими вы при этом руководились? Могли ли вы когда-нибудь скрывать от самих себя, что неприкосновенность короля самым тесным образом связана с ответственностью министров, что вы декретировали одно и другое, потому что фактически вы отняли у короля и передали министрам действительное пользование исполнительною властью, почему на них, как на истинных виновников, и должна падать ответственность за нарушения, совершенные исполнительной властью? Из этой системы следует, что в области администрации король не может причинить никакого зла, так как ни один правительственный акт не может исходить от него и не имел бы силы, если бы он захотел учинить таковой но, с другой стороны, отсюда же следует, что закон сохраняет свое могущество против короля. Идет ли здесь, господа, речь о частном поступке личности, носящей звание короля? Имеется ли здесь, напр., в виду убийство, совершаемое этой личностью? Лишен ли и подобный акт силы и значения, или же и в данном случае имеется министр, который подписывается и отвечает? Но, говорят нам, если бы король совершил преступление, то закон должен был бы искать руку, которая привела бы в движение его руку... Ну, а если бы король, обладая от природы, как и всякий человек, способностью произвольного движения, поднял свою руку без постороннего вмешательства, то кто же тогда явился бы ответственной личностью?

Говорят еще, что если бы король переступил известную границу, то назначили бы регента... Но если бы назначили регента, то он все же оставался бы королем и, следовательно, сохранял бы привилегию неприкосновенности. Пусть комитеты ясно объясняются, пусть они нам скажут - оставался ли бы в таком случае король неприкосновенным.

Законодатели, отвечайте вы сами себе: если бы какой-либо король душил на ваших глазах вашего сына, бесчестил вашу жену или вашу дочь, то сказали ли бы вы ему: Государь, вы пользуетесь своим правом, мы вам все позволили?... Или вы разрешили бы гражданину отомстить? Но тогда вы личное насилие, частное правосудие каждого лица поставили бы на место спокойного и благотворного правосудия закона. И это вы называете водворением общественного порядка, и вы осмеливаетесь утверждать, что абсолютная неприкосновенность является неременной основой общественного порядка!

Но, господа, что такое все эти частные предположения, все эти злодеяния в сравнении с тем, что грозит благу и счастьем народа! Если бы король навлек на свое отечество все ужасы внутренней и внешней войны, если бы, став во главе армии мятежников и чужестранцев, он вздумал разорять свою собственную страну и похоронить под развалинами ее свободу и счастье всех, был ли бы он неприкосновенным?

Король неприкосновенен! Но вы, вы также неприкосновенны! Распространили ли вы эту неприкосновенность до права совершить преступление?

Господа, очень простое рассуждение, если бы его не избегали упорно, могло бы положить конец этим дебатам. Принимая резолюцию, подобную той, против которой я восстаю, можно допустить лишь две гипотезы: или король, которого я предположу виновным по отношению к нации, сохранит всю власть, какую он обладал раньше, или же правительственный механизм ослабеет в его руках. В первом случае, т.е., если его восстановят во всем его всемогуществе, то не подвергнут ли этим общественную свободу вечной опасности? На что станет он употреблять свою громадную власть, которой вы снова облачите его, если не на то, чтобы дать восторжествовать своим личным страстям, чтобы бороться против свободы и законов, чтобы отомстить тем, кто постоянно защищал против него общественное дело? Наоборот, если правительственный механизм ослабеет в его руках, то тогда бразды правления неизбежно перейдут к нескольким крамольникам, которые будут служить и изменять ему, которые будут то ласкать, то застрашивать его, чтобы владычествовать его именем.

Пусть, если угодно, обвиняют меня в республиканизме: я заявляю, что ненавижу всякий род правления, при котором господствуют крамольники. Недостаточно свергнуть гнет одного деспота, чтобы потом подпасть под гнет другого деспотизма. Англия освободилась от гнета своих королей лишь для того, чтобы подпасть под еще более унижительный гнет небольшого числа ее граждан. Признаюсь, я не вижу среди вас могущественного гения, который бы мог играть роль Кромвеля; я не знаю также никого, кто был бы расположен терпеть его. Но я вижу коалиции, более деятельные и более сильные, чем то подобало бы свободному народу; я вижу граждан, соединяющих в своих руках слишком разнообразные и слишком могущественные средства для влияния на общественное мнение. Продолжительное сохранение в тех же руках подобной власти могло бы оказаться опасным для общественной свободы. Надо обезопасить нацию от слишком долгого существования олигархического правительства.

Это разве невозможно? Разве, господа, партии, которые могли бы развиваться, укрепиться, коализироваться, не были бы несколько ослаблены, если бы предвиделось в более близком будущем прекращение предоставленной нам власти, если бы расцвету их не способствовало в известной степени приостановление выборов новых народных представителей,²⁷⁾ приостановление, сделанное в такое время, когда следовало, быть может, воспользоваться существующим еще спокойствием, в такое время, когда общественное мнение, пробужденное опасностями, угрожающими отечеству, могло бы сделать наиболее удачный выбор? Не отнесется ли нация с некоторым беспокойством к бесконечному удлинению срока наших полномочий, способному благоприятствовать развращению и интригам? Я подозреваю, что она так действительно и относится...

Господа, меры, предложенные вам комитетами,²⁸⁾ должны быть заменены общими мерами, внушенными, разумеется, интересами мира и свободы. Предложенные же вам меры, надо вам сказать это, могут только опозорить вас; и если бы мне пришлось сегодня быть свидетелем принесения в жертву основных принципов свободы, то я, по крайней мере, попросил бы у вас позволения выступить адвокатом всех обвиняемых; я желал бы быть защитником трех гвардейцев, гувернантки наследника и даже самого Булье.

По заключениям ваших комитетов, король невинен, преступления нет... Но там, где нет преступления, нет и соумышленников. Господа, если щадить виновного является слабостью, то пожертвовать из числа виновных более слабым ради более сильного является подлой несправедливостью. Не думаете же вы, что французский народ настолько низок, чтобы наслаждаться зрелищем мук нескольких жертв, действовавших в качестве подчиненных; не думаете же вы, что он без горя увидит, как представители его следуют еще по обычному пути рабов, старающихся всегда принести слабого в жертву сильному и заботящихся лишь о том, чтобы обмануть народ и безнаказанно продлить несправедливость и тиранию! Нет, господа, надо или признать вину всех или оправдать всех виновных.

Я предлагаю, чтобы Национальное Собрание декретировало, во 1) что оно обратится к народному голосованию, чтобы решить участь короля, во 2) что оно отменяет декрет, приостановивший выборы национальных представителей, в 3) что отклоняет доклад комитетов.

Если мои предложения не будут приняты, то я требую, чтобы Национальное Собрание, по крайней мере, не опозорило себя пристрастным отношением к мнимым соучастникам²⁹⁾ преступления, на которое хотят бросить завесу». ³⁰⁾

Аристократы были настолько напуганы этой речью, что объявили Робеспьера сумасшедшим. Шведский посланник серьезно сообщает этот слух своему государю и через несколько дней (23 июля) столь же серьезно опровергает его. ³¹⁾

Мы не скажем здесь ничего больше о красноречии Робеспьера. Мы встретимся еще с ним в Якобинском клубе (в период Законодательного Собрания) и в Конвенте и тогда мы дополним этот краткий очерк. ³²⁾

Примечания

1) См. в частности Ernest Hamel, *Histoire de Robespierre*, 1865-1867, 3 тома in 8.

2) *Histoire de la Revolution Francaise*, т.V, стр.273.

3) «Патриоты, желающие вам добра (говорила ему газета Prudhomme'a в апреле 1792 г.), уважающие вас и которые любили бы вас, если, бы ваша гордость не служила тому препятствием, не могут удержаться, чтобы не сказать: какая жалость, что в нем нет античного добродушия, обычно сопровождающего гений и добродетель!» *Revolutions de Paris*, MCCCXLVII).

4) Аббат этот, живший в Париже, был родственником Робеспьера и много заботился о последнем, почти отечески относясь к нему, когда тот поступил в парижский коллеж Людовика Великого. - *Прим. перев.*

5) Hamel, *Histoire de Robespierre*, т.I, стр.17.

6) Это было общество «молодых людей, соединенных дружбой, любовью к стихам, цветам и вину», назвавшееся так в честь королевы цветов, которая являлась как бы символом *Rosati*. Из видных деятелей революции в нем, кроме Робеспьера, участвовал еще Лазарь Карно. Общество это не имело и тени политического характера. - *Прим.перев.*

7) Когда впоследствии Демулен захочет наиболее чувствительным образом уязвить Робеспьера, то он направит свои стрелы не столько в политического деятеля, сколько в оратора (Vieux Cordelier, № VII). «Камилл... нашел и жесткой рукой коснулся еще более чувствительного места этой наболевшей души, того именно места, в котором литературное самолюбие смешивалось и сливалось с политической гордостью. Это было глубиной глубин. И Робеспьер мог не быть политическим деятелем: но если бы он не был бы и священником, то он во всяком случае и несомненно был бы литератором» (Мишле, т.II, стр.143).

8) Hamel, *Histoire de Robespierre*, т.I, стр.44.

9) Его называли *Robetspierre* или же *Robert-Pierre*.

10) Et. Dumont, стр.250.

11) Et. Dumont, Ibid.

12) Michelet, *Histoire de la Revolution*, т.II, стр.324-325. Читатель вспомнит, что Дюпор упрекал Робеспьера в том, что тот «беспрестанно читает курс естественного права». См. выше, стр.284.

(Рядом с этим мнением Мишле и Олара мы позволим себе привести здесь мнение Hamel'я, биографа Робеспьера, о роли и значении последнего в Учредительном Собрании. «Когда, - говорит Hamel, - он всеми силами своей возмущенной души восставал против несправедливых военных судов..., когда он требовал отмены смертной казни, когда своим сильным голосом он протестовал против бессмысленного подразделения народа на активных и пассивных граждан, когда он настоятельно требовал уничтожения рабства и эмансипации негров, когда он боролся против ограничений свободы печати и права собраний, то признательная нация рукоплескала ему». И Hamel настаивает на том, что если бы Учредительное Собрание не остановилось на полумерах, а последовательно и полно применило в конституции принципы Декларации прав, как того требовал Робеспьер, то Франция тем избежала бы многих ужасов, омрачивших впоследствии революцию. - См.Hamel, *Histoire de Robespierre*, т.1, стр.436-37. - То же мнение высказывает и немецкий биограф Робеспьера, Карл Брюннеман, писавший, впрочем, свою книгу под несомненным влиянием Hamel'я. - *Прим. перев.*)

13) Мы приведем здесь еще некоторые отрывки из его речи, произнесенной им 23 декабря 1789 г. в защиту гражданских прав артистов и лиц не католического вероисповедания, евреев и протестантов:

«Вам наговорили о евреях бесконечно преувеличенные и часто несоответствующие истории вещи. Пороки евреев происходят от того униженного положения, в которое вы их поставили; они станут лучшими, когда для них представит какую-нибудь выгоду быть таковыми. Я считаю, что никто из них не может быть лишен священных прав, которые им дает звание людей... Чтобы там ни говорили, но никогда не может быть разумным осудить на унижение и гнет множество людей, живущих среди нас.» - *Прим.перев.*

14) Альцест и Филит - главные герои знаменитой комедии Мольера «Мизантроп». - *Прим. перев.*

15) Текст, данный Эт.Дюмоном, который присутствовал на заседании (Souvenirs, стр.61).

16) Страдая от голода и находясь, так сказать, в поисках хлеба, парижская толпа убила одного булочника, по имени Франсуа, на которого ей указали как на скупщика хлеба. Воспользовавшись этим инцидентом, парижский муниципалитет, во главе которого стоял Бальи [Байи], предложил Ассамблее вотировать немедленно «военный закон», по которому муниципальным офицерам предоставлялось право приказывать стрелять в толпу после троекратного предупреждения. Бюзо и Робеспьер восстали против этого закона, отдававшего жизнь граждан во власть враждебного революции муниципалитета, и предложили образовать «национальный трибунал», члены которого были бы избраны самой Ассамблеей и которому было бы предоставлено судить виновников беспорядков и контрреволюционные преступления. Дело в том, что Робеспьер считал эти беспорядки следствием контрреволюционных проделок. Но Ассамблее, находясь еще под свежим впечатлением октябрьских дней, нагнавших страх даже на конституционалистов, приняла «военный закон», направленный против парижского народа, который только за две недели до этого одержал блестящую победу над монархией и помешал всем преступным интригам двора. - *Прим. перев.*

17) Тулонские волнения были вызваны несправедливой мерой, принятой комендантом, графом де Риом, против рабочих, занятых в морском ведомстве и участвовавших в национальной гвардии. Последняя, заподозрив де Риома и его офицеров в намерении стрелять в толпу, заключила их в тюрьму, а так как распространился слух, что голландские и английские корабли угрожают городу, то с заключенными обращались крайне сурово. Познакомив Ассамблею с этими событиями, Малюз предложил принять энергичные меры против мятежников и вознаградить коменданта де Риома. Робеспьер же и еще другой депутат, Рикад, требовали, чтобы Ассамблея одобрила поведение национальной гвардии, так как последняя защитила в данном случае свободу. Ассамблея не сделала ни того, ни другого, а лишь заявила, что тулонские события не дают никакого повода к судебным преследованиям. - *Прим. перев.*

18) Речь, из которой приведена эта цитата, была произнесена им по поводу предложения конституционного комитета принимать строгие меры против муниципальных офицеров, которые не применили бы «военного закона» в случаях сборищ и народных волнений. «Пусть простят меня, - сказал еще в той же речи Робеспьер, - но для меня непонятно, каким это образом свобода может быть установлена или утверждена указными действиями военной силы... Я не мог еще забыть, что эта революция есть нечто иное, как борьба свободы против министерской и аристократической власти. Я нисколько не забыл, что та и другая удерживали народ под гнетом силою оружия, что, наказывая, как за мятежные акты, за всякий его ропот и даже за жалобы отдельных лиц они продлили на века рабство нации, восхвалявшие тогда во имя порядка и спокойствия». - *Прим. перев.*

19) О речах по этим вопросам см. дальнейшие наши примечания к этой главе. - *Прим. перев.*

20) Робеспьер принял самое деятельное участие в дебатах по организации суда и даже представил по этому предмету целый проект. Он, между прочим, предлагал, чтобы присяжные, как и судьи, избирались народом; чтобы сам вопрос о предании суду также решался присяжными, чтобы оправданные судом получали вознаграждение за причиненные им убытки, чтобы подсудимый имел право выбирать себе в защитники кого ему угодно, чтобы был учрежден особый Кассационный суд для охраны законов и конституции, чтобы жандармерия была подчинена мировым судьям и, наконец, чтобы военные суды состояли наполовину из офицеров и наполовину из солдат. Но он также требовал записывания свидетельских показаний на суде, считая, что в таком случае присяжные смогут с большей компетентностью судить о разбираемом деле.

Не останавливаясь на многочисленных речах его о судебной организации, мы приведем здесь лишь одну цитату из речи, произнесенной им в апреле 1790 г. относительно распространения суда присяжных и на гражданские дела:

«Какое различие можно установить между двумя отделами нашего судопроизводства? В одном идет дело о чести и жизни, в другом - о чести и состоянии. Если уголовный суд без присяжных недостаточен, чтобы гарантировать мою жизнь и мою честь, то недостаточен и такой гражданский суд, и я требую присяжных и для моей чести и моего состояния. Говорят, что институт этот невозможен в гражданских делах: люди, желающие быть свободными и сознающее необходимость этого, способны преодолеть все трудности». - *Прим. перев.*

21) Конституция, выработанная Учредительным Собранием, не устанавливала, как известно, всеобщей подачи голосов. Она подразделяла граждан на *пассивных* и *активных*, т.е. таких, которые пользуются лишь пассивными правами, как право собственности, передвижения и т.д. и таких, которые пользуются активными правами, дающими им возможность участвовать в той или иной мере в управлении коммуной и страной. Активными признавались те граждане, которые платили определенный прямой налог. Чтобы быть простым избирателем, надо было платить налог в размере трехдневной рабочей платы; чтобы иметь право быть избранным выборщиком «первоначальных ассамблей» (*assemblees primaires*) или членом одного из учреждений местного самоуправления, надо было платить прямой налог, равный десятидневной рабочей плате; наконец, правом быть избранными в Национальное Собрание пользовались лишь те, которые платили прямой налог в размере серебряной марки (*marc d'argent*). Такой цензовый режим обеспечивал буржуазии господствующее влияние в управлении страной. Нечего говорить, что законы о цензе вызвали сильное недовольство среди народа. Но в Ассамблее нашлось очень мало противников избирательного ценза. Так, когда в октябре 1789 г. обсуждался вопрос об установлении для активных граждан ценза, равного трехдневной рабочей плате, то против этого высказались лишь пять человек: Грегуар, Андриен Дюпор, Дефермон, Нусситу и Робеспьер. Неизвестно, из скольких депутатов состояло голосовавшее за одно с ними меньшинство, но численность последнего, - говорит в другом своем сочинении Олар, - должна была быть незначительной, так как даже очень передовые патриоты, как Петийон, высказывались за ценз. (См. А. Алард, *Histoire Politique de la Revolution Francaise*, 1905, стр.60-70).

Одним из наиболее горячих и настойчивых поборников всеобщей подачи голосов был Робеспьер. Он не упускал ни одного случая, чтобы протестовать против ценза и произнес на эту тему несколько речей. Мы остановимся на одной из них, в которой он наиболее полно и красноречиво изложил свои взгляды на этот счет и которую он издал особой брошюрой.

Сославшись на соответственные статьи Декларации прав и указав в каком вопиющем противоречии с ними находятся декреты о цензах, Робеспьер восклицает: «Чем будет ваша Декларация прав, если декреты эти останутся? Пустым звуком. Чем станет нация? Рабом, ибо свобода состоит в подчинении законам, которые нация сама себе дала, а рабство - в необходимости подчиняться чужой воле. Чем станет ваша конституция? Истинной аристократией, ибо аристократией является такой порядок, при котором одна часть граждан суверенна, а другая состоит из подданных. Ваша же аристократия будет наиболее несносной из всех, - аристократией богачей!

Все люди, рожденные и проживающие во Франции, являются членами политического общества, называемого французской нацией, иначе говоря - французскими гражданами. Они являются таковыми по природе вещей и в силу первых принципов людского права. Связанные с этим званием права не зависят ни от состояния, которым каждый из них обладает, ни от налогов, которые он обязан платить, потому что не податное обложение делает нас гражданами...

Сторонники системы, против которой я борюсь, сами поняли эту истину, так как, не осмеливаясь оспаривать звание гражданина у тех, кого они осуждают на политическое бесправие, они ограничились обходом необходимо предполагаемого этим званием принципа равенства и разделили граждан на активных и неактивных. Рассчитывая на ту легкость, с какой люди дают управлять собою словами, они попытались ввести нас в обман, скрывая под этим новым выражением самое вопиющее нарушение прав человека...»

Робеспьер резюмирует дальше возражения противников всеобщей подачи голосов и отвечает на каждое из них: «Народ! Люди, ничем не владеющие! опасности подкупов! Пример Англии, той страны, которую считают наиболее свободной - вот аргументы, которые противопоставляют справедливости и разуму.

Я должен был бы ответить лишь одним словом: народ, в защиту которого я выступаю, это масса людей, обладающих правами, происхождение коих то же, что и ваших прав. Кто же дал вам власть отнять их у них?

Общая польза, говорите вы. Но полезно лишь то, что справедливо и честно.

Англия! Какое вам дело до Англии и ее порочной конституции, которая могла казаться вам свободной, когда вы стояли на последней ступени рабства, но которую пора, наконец, перестать хвалить из невежества или по привычке... Разве для того, чтобы рабски подражать ошибкам и несправедливостям, которые так долго позорили и угнетали род человеческий, разве для этого вы были призваны вечным Провидением?..

Но, говорите вы, разве народ, разве люди, которым нечего терять смогут пользоваться, как мы, всеми правами граждан?

Люди, которым нечего терять! Сколько несправедливого и ложного в этих исступленно горделивых словах!..

Как? Моя свобода, моя жизнь, право на безопасность или на месть для меня и для тех, которые мне дороги, право отвергнуть гнет и право свободно пользоваться всеми способностями моего ума и моей души, - разве все эти столь ценные блага мои не доверены, как и вашей охране законов? И вы говорите, что мне нет дела до этих законов; и вы хотите лишить меня доли, которую я должен иметь, как и вы, в управлении общественными делами, и все это только потому, что вы богаче меня!.. Но что, в сущности говоря, представляет собою та редкая заслуга, которую вы видите в плате серебряной марки или иного налога и которой вы придаете столь крупное значение? Если вы вносите в казну большую сумму податей, чем я, то не потому ли это: что общество дало вам возможность приобрести больше денег? А если ближе взглянуть на дело, то каков источник крайнего неравенства состояний, благодаря которому все богатства скопляются в немногочисленных руках? Не причина ли этого плохие законы, плохие правительства и, наконец, все пороки испорченных обществ? Почему же те, которые являются жертвами этих зол должны еще быть наказаны за свое несчастье лишением гражданского достоинства? Я нисколько не завидую вам, если вы получили более крупную долю, ибо это неравенство является необходимым или неизлечимым злом, но не отнимайте у меня тех непреложных благ, которых не может меня лишить ни один человеческий закон...

Но народ!.. но подкуп! Перестаньте профанировать священное имя народа, связывая его с мыслью о подкупе! Кто среди людей, равных в правах, осмеливается объявить своих ближних недостойными пользоваться ими, чтобы лишить их этих прав в свою пользу? И если вы позволяете себе произнести подобный приговор на основании подозрений в подкупности, то какую ужасную власть над человечеством вы присваиваете себе!..

Но должны ли эти подозрения пасть на тех, кто не платит серебряной марки, или на тех, которые платят куда больше?.. Думаете ли вы чистосердечно, что тяжелая и трудовая жизнь порождает больше пороков, чем изнеженность, роскошь и честолюбие? и менее ли вы уверены в честности наших ремесленников и наших крестьян, которые, по вашему тарифу, никогда не будут активными гражданами, чем в честности откупщиков или придворных, которых вы называете важными господами и которые по тому же тарифу должны были бы быть шестьсот раз активными?..

Народ требует лишь необходимого: он желает только справедливости и спокойствия; богатые же претендуют на все, хотят всем завладеть, над всем господствовать. Злоупотребления являются делом и областью богатых; они - бич народа; интерес народа - общий интерес, интерес богатых - частный, а вы желаете сделать народ ничем, богатых же всемогущими... Разве богачам и важным господам обязаны вы тем славным восстанием, которое спасло Францию и вас? Разве солдаты, повергшие свое оружие к стопам встревоженного отечества, не были из народа? А офицеры, которые вели их против вас, к каким классам принадлежали они? Боролся ли тогда народ для того, чтобы помочь вам защищать его права и его достоинство или для того, чтобы дать вам власть лишить его их? Для того ли он сверг иго феодальной аристократии, чтобы подпасть под иго аристократии богачей?»

Робеспьер указывает дальше Ассамблее на то, что лишение прав активного гражданина она объявила наказанием за преступления *lese-nation* и что она, таким образом, подвергает этому позорному наказанию громадное число граждан, вся вина которых состоит в том, что они недостаточно богаты. Как он уже это сделал в одной своей речи по тому же вопросу, он отмечает тот чудовищный факт, что Жан-Жак Руссо, если бы он жил еще, не пользовался бы правами активного гражданина. Так как декреты о цензах были уже приняты, то Робеспьер в заключение опровергает то мнение будто их нельзя отменить; «высшим законом, - говорит он, - является благо народа и счастье людей», - и предлагает Ассамблее признать, «что все французы, т.е. все люди, родившиеся или натурализовавшиеся во Франции и живущие в ней должны пользоваться полностью и в равной мере правами граждан». Он, иначе говоря, предлагал утановит всеобщую и равную подачу голосов. Но Учредительное Собрание не отказалось от своих декретов, и выборы в Законодательное Собрание произошли при цензовом режиме. - *Прим.перев.*

22) Цитировано по тексту Moniteur'a.

23) Накануне, 30 мая 1791 г., Робеспьер произнес речь против смертной казни, являющуюся бесспорно одной из наиболее блестящих речей его и одной из наиболее сильных, какал когда-либо была произнесена против этого бесчеловечного и позорного наказания. Мы позволим себе привести здесь ее почти целиком:

«Когда до Афин, - сказал Робеспьер, - дошла весть, что в городе Аргосе граждане были приговорены к смерти, то народ устремился в храмы и умолял богов отвратить от афинян столь жестокие и пагубные мысли. Я обращаюсь не к богам, а к законодателям, которые должны быть исполнителями и истолкователями вечных законов, установленных для людей божеством, и прошу их вычеркнуть из французского законодательства кровавые законы, обязывающие к юридическим казням. Я хочу им доказать, во-первых: что смертная казнь крайне несправедлива, во-вторых: что она не является наиболее карательным наказанием и что она не столько предупреждает преступления, сколько увеличивает их число.

Если, вне гражданского общества, какой-нибудь ярый враг покушается на мою жизнь, или если, неоднократно прогнанный, он все же приходит опустошать поле, которое я обработал своими руками, то мне, так как его силе я могу противопоставить лишь свою личную, остается погибнуть или убить его; и закон естественной защиты оправдывает и одобряет меня. Но какой принцип правосудия разрешает обществу, когда сила всех вооружена против одного, предать его смерти? Победителя, убивающего своих пленных врагов, называют варваром! Человек, душащий ребенка, которого он может обезоружить и наказать, кажется чудовищем! А что такое осужденный обществом преступник, если не побежденный и бессильный враг? Он перед обществом более слаб, чем ребенок перед взрослым!

Итак, в глазах истины и справедливости, эти смертные казни... ничто иное, как подлые убийства, как торжественные преступления, совершаемые не отдельными личностями, а целыми нациями, да еще на законных основаниях! Какими бы жестокими, какими бы исключительными ни были эти законы, пусть они вас не удивляют. Они - дело нескольких тиранов, они - цепи, наложенные ими на людской род, они были написаны кровью. «Воспрещено казнить римского гражданина.» - так гласил закон, созданный народом. Но Сулла победил и сказал: *Все те, которые подняли оружие против меня, достойны смерти.* Октавий и пособники его злодеяний подтвердили этот закон.

При Тибере хвалить Брута составляло преступление, достойное казни. Калигула осуждал на смерть тех, которые были настолько непочтительны, чтобы раздеваться перед портретом императора. Когда тирания изобрела преступления *lese majeste*, которые были или безразличными поступками или героическими актами, то кто смел думать, не провинившись при том сам в оскорблении величества, что поступки эти могли быть достойными более мягкого наказания, чем смерть?

Когда фанатизм, родившийся от чудовищной связи невежества и деспотизма, изобрел в свою очередь преступления *lese majeste divine* (богохульство), когда в исступлении своем он задумал мстить за Самого Бога, то не понадобилось ли и ему предложить Богу кровь, низвести Его на ступень тех чудовищ, которые выдавали себя за его изображения?

Смертная казнь необходима, говорят сторонники античной и варварской рутины; без нее нет достаточно крепкой узды для преступления. Кто это вам сказал? Испытали ли вы все средства, которыми карательные законы могут действовать на людскую чувствительность? Увы! скольких только страданий физических и нравственных не может перенести человек до смерти!

Жажда жизни уступает гордости, - этой наиболее сильной из всех страстей, владеющих сердцем человека; для живущего в обществе человека самое ужасное из всех наказаний, это - позор людского отвращения к нему. Когда законодатель имеет в своем распоряжении столько средств для наказания граждан, то как может он считать себя вынужденным прибегнуть к смертной казни? Наказания существуют не для того, чтобы мучить виновных, а для того, чтобы боязнью подвергнуться им предупредить преступление.

Законодатель, предпочитающий смерть и жестокие наказания более мягким средствам, имеющимся в его распоряжении, оскорбляет общественную чувствительность, притупляет нравственное чувство управляемого им народа, уподобляясь неумелому наставнику, который частым применением жестоких наказаний, притупляет и унижает душу ребенка...»

Доказав дальше на примерах из древней и новейшей истории, что существование смертной казни несколько не уменьшает число преступлений и что, наоборот, отмена ее не вызывает увеличения преступности, Робеспьер продолжает:

«Послушайте голоса справедливости и разума: он говорит нам, что людские приговоры никогда не настолько совершенны, чтобы общество могло лишиться жизни человека, осужденного другими людьми, способными ошибаться. Если вы придумаете наиболее совершенные судебные порядки, если вы найдете самых честных и самых просвещенных судей, то все же всегда останется кой-какое место для ошибки или предубежденности. Почему же вам лишить себя возможности исправить ошибку? Почему вам заранее сделать для себя невозможным протянуть руку помощи угнетенной невинности? Что пользы в бесплодных сожалениях, в обманчивом восстановлении чести, которое вы предлагаете пустой тени, бесчувственному праху? Это - печальные доказательства варварской бессмысленности ваших уголовных законов. Отнять у человека возможность искупить свое злодеяние раскаянием или поступками добродетели, безжалостно сделать для него недоступным всякий возврат к добродетели и самоуважению, поторопиться спустить его в могилу, все еще, так сказать, покрытую свежим позором его преступления, является в моих глазах самой ужасной, самой утонченной жестокостью. Первая обязанность законодателя - формировать и охранять общественные нравы, - этот источник всякой свободы, всякого общественного счастья. Когда, преследуя частную цель, он отвлекается от этой общей и существенной цели, он совершает самую грубую и самую губительную ошибку.

«Законы должны, следовательно, являться для народов самым чистым образцом справедливости и разума. Если, вместо могущественной строгости и умеренного спокойствия, которые должны им быть присущи, они проникнуты гневом и мстительностью, если они проливают кровь людскую, чего можно было бы избежать и чего они не имеют права делать, если они делают зрелищем для народа жестокие сцены и изуродованные пытками тела, то они вытравливают из сердца граждан понятия справедливого и несправедливого, порождают в обществе дикие предрассудки, которые в свою очередь вызывают новые. Человек перестает быть для человека столь священным предметом, и представление о его достоинстве умаляется, когда общественная власть вольна в его жизни. Мысль об убийстве внушает куда меньший ужас, когда сам закон дает пример и зрелище его; мерзость преступления умаляется, когда закон наказует его лишь другим преступлением. Остерегайтесь смешивать пользу наказаний с излишеством строгости: одно совершенно противоречит другому. Все содействует умеренным законам; все восстает против жестоких законов.

Было отмечено, что в свободных странах преступления более редки и уголовные законы менее суровы: все связано между собою. Свободными являются те страны, в которых уважают права человека и где, следовательно, законы более справедливые. Если же в той или иной стране они оскорбляют человечество чрезмерной строгостью, то это - доказательство, что с достоинством человека там не считаются, что достоинства гражданина там не существует; это - доказательство, что законодатель там властелин, повелевающий рабами и безжалостно наказывающий их по усмотрению своей фантазии.

Итак, я требую отмены смертной казни.»

Надо прибавить, что конституционный комитет также высказался за отмену смертной казни и сохранял ее лишь для политических преступлений. И хотя Робеспьера поддержали в данном случае Дюпор и Петийон, Ассамблея все же отказалась совершенно вычеркнуть из законодательства смертную казнь. Это было одной из ее роковых ошибок. - *Прим. перев.*

24) *Moniteur*, 2 июня 1791 г.

25) *La Societe des Jacobins*, par Aulard, т.II, стр.532.

26) *Revolution de France et de Brabant*, № 82.

27) Через три дня после бегства короля, т.е. 24 июня 1791 г. Учредительное Собрание решило приостановить начавшиеся уже выборы в Законодательное Собрание. - *Прим. перев.*

28) По постановлению Национального Собрания, конституционный, военный, дипломатический и др. комитеты составили доклад о бегстве короля, который, от их имени, был представлен депутатом Нанту, сторонником триумвиров. Заключение этого доклада сводилось к тому, чтобы признать Людовика XVI невинным, водворить его на престол и предать суду участников бегства, Булье, Ферсена, гувернантку и др. Несмотря на сильное республиканское движение, проявившееся, как только стало известно о бегстве короля, в Париже и в провинции, ни один из депутатов не высказался в пользу установления республиканского режима. Наоборот, большинство резко восставало против этого, считая республику «опасной», «смешной химерой», «не подобающей» для Франции и т.д. Против же заключений доклада тоже высказались лишь немногие депутаты, в том числе Робеспьер и Грегуар, и Ассамблея, после двухдневных дебатов, основываясь, главным образом, на принципе неприкосновенности короля, признала его невинным. - *Прим. перев.*

29) После бегства короля распространился слух, что он был «похищен». Главным виновником этого похищения называли непопулярного генерала Булье. Конституционалисты, желавшие во что бы то ни стало сохранить монархию и прекрасно понимавшие, что признание вины короля и предание его суду, как того требовал, напр., Грегуар, повело бы к полному дискредитированию королевской власти и учреждению, быть может, республики, ухватились за легенду о «похищении», столь наивно выгораживавшую короля, и, таким, образом, пришли к тому абсурду, что признали существование соумышленников при отсутствии виновного. - *Прим. перев.*

30) Текст, опубликованный Робеспьером.

31) *Corr. diplomatique de baron de Stael-Holstein*, стр.218.

32) Надо еще отметить здесь речь Робеспьера о национальной гвардии, которую он произнес сначала в Якобинском клубе, а затем, в апреле 1791 г., в Национальном Собрании.

Докладчик по вопросу об организации национальной гвардии, Рабо Сент-Этьен, предложил, чтобы в национальные гвардейцы принимались лишь *активные* граждане. Робеспьер восстал против этого и при этом развил собственный план организации национальной гвардии. Последняя необходима, по его мнению, для того, чтобы защищать свободу и конституцию, чтобы служить противовесом регулярной армии, которой правительство может воспользоваться для борьбы с народом. Но для того, чтобы она была на высоте своего призвания, чтобы она была истинно национальной, служила исключительно интересам нации и являлась действительно оплотом народной свободы, она должна быть независимой от исполнительной власти, должна быть проникнутой общей волей и ни в коем случае не должна превратиться в обособленную от народа касту. «Подумайте, - сказал Робеспьер, - насколько дух деспотизма и превосходства присущи военным всех стран; о какой легкостью они отделяют звание гражданина от звания солдата и ставя второе выше первого. Бойтесь особенно губительной склонности нации, предрассудки которой с давних пор придавали исключительное значение военной профессии, так как и наиболее серьезные народы не могли оградить себя от этого. Вспомните о римских гражданах, которыми командовал Цезарь! Когда, при взаимном неудовольствии, он желал унижить их, то он называл их не солдатами, а гражданами *quiritis*, и при этом имени они краснели и возмущались». Итак, национальные гвардейцы должны быть одновременно гражданами и солдатами; офицера их должны быть избраны из их же среды и на очень короткий срок, причем число их должно быть крайне ограничено; свою форму они должны носить исключительно при исполнении своих служебных обязанностей и им должно быть воспрещено принимать какие-либо знаки отличия от государя. «Храбрость и добродетель свободных людей, святое дело, для которого вы вооружены, - вот ваша слава, вот ваши украшения».

Но главным условием для достижения той цели, которую Робеспьер ставил национальной гвардии, является ее общедоступность, ее всенародный характер. «Быть вооруженным для своей личной защиты составляет право всякого человека; быть вооруженным для защиты свободы и общего отечества составляет право всякого гражданина. Право это столь же священное, как право естественной и личной защиты, из которой оно и вытекает, так как интерес и существование общества слагаются из интересов и существований отдельных его членов. Лишить какую-либо часть граждан права вооружаться за отечество и предоставить таковое исключительно другой части - значит нарушить одновременно и святое равенство и наиболее непреложные, наиболее священные законы природы». И, в порыве гнева, Робеспьер обращается со следующими словами к тем своим коллегам, которые желали, чтобы национальная гвардия была привилегированной сектой активных граждан: «Сторонники этих пагубных систем, перестаньте вы клеветать на народ и поносить своего суверена, представляя его беспрестанно недостойным пользоваться его правами, злым, диким, испорченным. Испорчены и несправедливы вы и те богатые касты, которым вы желаете передать его могущество; народ же добр, терпелив и великодушен; наша революция и преступления его врагов являются тому доказательством... Кто сделал нашу доблестную революцию? Богачи, власть имущие? Один лишь народ мог желать и совершить ее и поэтому один он может отстаивать ее... А вы осмеливаетесь предлагать отнять у него те права, которые он завоевал!.. Кто вы такие, чтобы сказать разуму и свободе: остановитесь здесь; ваше развитие не пойдет дальше того пункта, где оно не согласуется больше с расчетами нашего самолюбия или нашего личного интереса? Полагаете ли вы, что мир будет настолько слепок, чтобы предпочесть этим вечным законам справедливости, обещающим ему счастье, те жалкие ухищрения... которые до сих пор приводили лишь к могуществу, к преступлениям нескольких тиранов и к несчастьям наций? Напрасно вы рассчитываете при помощи мелких шарлатанских уловок и интриг руководить ходом революции... Вы, как лепкие букашки, будете увлечены ее неудержимым потоком; ваши успехи будут столь же мимолетны, как ложь, а ваш позор будет вечным, как истина!..»

Глава из книги «Ораторы революции»

Речь эта имела громадный успех и в Якобинском клубе и в Учредительном Собрании. Но последнее, как и по вопросу о всеобщем избирательном праве, не согласилось с мнением Робеспьера и положило и в основу национальной гвардии цензовый принцип, исключив из него всех *пассивных* граждан, т.е. всех тех, которые не платили определенного прямого налога, иначе говоря - всех неимущих граждан. Этот принцип был последовательно проведен во всей выработанной Учредительным Собранием конституции, хотя во главе была помещена знаменитая Декларация, объявлявшая всех людей равными в правах. - Прим. перев.